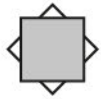
Сергей
Залыгин

ТРОПЫ АЛТАЯ



АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
З 24

Оформление обложки Виктории Манацковой

Залыгин С.
З 24 Тропы Алтая : роман / Сергей Залыгин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 480 с.
ISBN 978-5-389-34543-0

Сергей Павлович Залыгин — русский советский писатель, публицист, академик РАН. Более десяти лет возглавлял журнал «Новый мир», а начинал работать как инженер-гидролог, параллельно вел научную работу и писал художественную прозу. Залыгин известен прежде всего как яркий представитель плеяды писателей-«деревенщиков». Именно в этом жанре написаны прославившие его произведения: роман «Тропы Алтая» (1962), повесть «На Иртыше» (1964) и роман «Соленая падь», за который в 1968 году писатель был удостоен Государственной премии СССР.

Роман «Тропы Алтая» начинается летом 1960 года, когда группа ученых-исследователей, работающих над составлением карты растительных ресурсов страны, отправляется в экспедицию. В непростых отношениях участников друг с другом, с местным населением, в спорах и размышлениях, среди великолепной и непокорной природы раскрываются характеры и судьбы героев. Странствуя вдали от цивилизации, работая подчас в экстремальных условиях, поражаясь красоте и величию Горного Алтая, люди заново открывают себя — сбрасывают маски и переживают подлинные чувства, страхи, сомнения и мечты.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© С. П. Залыгин (наследник), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-34543-0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Давным-давно исхожены все тропы на обетованной земле.

А между тем нет путей таких, таких дорог, чтобы они не звали и не манили, не волновали.

Не бывает рассветов ни в горах, ни в степи, чтобы они не обещали неизведанного дня, и даже в пустыне, где солнце, поднимаясь, всякий раз освещает одни и те же дали, сегодня дышится совсем иначе, чем вчера.

Не бывает в пути двух одинаковых закатов, и дважды не занимается одним и тем же огнем бивачный костер...

Пусть известна горькая правда — путешествие ничто не изменит на географической карте, не укажет новых троп, не откроет ничего нового в природе, — пусть так; все равно ко всему, что вокруг, ты будешь стремиться приложить себя без остатка — свой слух, свое зрение, свой ум, все свои чувства. Быть может, счастливцу, который пройдет этими же путями много-много лет спустя, более зоркому и внимательному, чем мы, все-таки пригодятся твои глаза, твой слух, твои мысли, и он откроет то, что не дано было открыть тебе.

Так велика в путешествии жажда слышать и видеть, что мгновениями начинает казаться, будто горы, и леса, и реки, и дали были бы совсем-совсем другими без тебя.

И так проникаешься чувством вечности природы, что запросто можешь представить себе горные вершины,

хребты, кряжи и бесконечные просторы за тысячи лет до тебя, на тысячи — после.

Путь — это встречи, новые знакомства, новые друзья. А узнавание человека — разве это не путешествие в неизвестное?

В пути же ты бываешь один, как нигде. А разве одиночество не обогащает человека?

* * *

— Готовы, нет ли? — Шофер забарабанил в брезентовый полог, натянутый над кузовом ГАЗ-63.

Слышно было — в кузове двигали что-то тяжелое, кто-то стучал молотком, и чей-то голос торопливо спрашивал:

— А пилу? Куда девать пилу, чтобы безопасно?

Заглушая мотор, стук молотка и этот беспокойный голос, водитель снова забарабанил в полог:

— Готовы? Трогаю!

Из кузова ответили:

— Сейчас, сейчас! Еще одну минутку!

— Третий день минуты считаем! Все вышли!

Водитель хлопнул дверцей, положил руки на баранку, ногой уперся в стартер: приготовился жать. Но тут же закричал снова:

— Готовы, нет ли?

— Сейчас, сейчас! Еще одну...

— Э-э-э, черт!

Гудок заполнил полутемный въезд, вырвался на улицу, а за ним, скрежеща еще не обкатанными частями, выкатился и ГАЗ-63, развернулся вправо, метров через сто — влево и, обгоняя громоздкие пассажирские машины, троллейбусы, «победы» и «Волги», устремился по асфальту проспекта под уклон, в сторону реки.

В застекленных узких окошечках кузова показались лица — молодые и совсем юные, все возбужденные тем чувством, которое неизбежно возникает у каждого в самый первый, изначальный момент путешествия.

Ближе к реке проспект становился все неприглядней, бульвары исчезли, красивые дома уступили место неуклюжим деревянным постройкам, а потом он пересек высокую железнодорожную насыпь.

Во всех городах такие насыпи и выемки одинаково неуютны, покрыты одной и той же пылью, одна и та же лебеда чахнет на откосах, но здесь, в центре большого города и уже с виду раздольных речных просторов, где только бы и развернуться набережным, скверам, паркам, эта насыпь и эти деревянные постройки были особенно не к месту.

Сразу же за насыпью машину остановил милиционер. ГАЗ завопил, завизжал тормозами, как будто кто-то придавил его на бегу.

Водитель выскочил, снова с яростью забарабанил в кузов:

— Экспедиция! Высокогорная, биологическая! Вылазь! Приехали! Разводи костер! Разбирай палатки!

Через глубокий овраг, по дну которого бежала мутная речушка, а по склонам тесно, как бы поддерживая друг друга, жались пестрые избенки, был построен новый мост, высокий и еще совсем светлый, незапыленный, а с моста старого, узкого, вдавленного в склоны, саперы переносили трамвайную линию.

Кирками и ломами они по команде очень молоденького, но уже с чапаевскими усами лейтенанта все враз нажимали на полотно трамвайного пути, и полотно — длинная его полоса, метров около сорока, со шпалами, с землей, пропитанной черным маслом, — всякий раз,

как лейтенант кричал: «Взяли!», скрипя, подвигалось к новому мосту.

Здесь же рядом, на подступах к этому мосту, люди, торопясь, ломали несколько домишек.

Три или четыре домишки, покосившиеся, по самые окна вросшие в землю, были крайними в избяной толпе, заполнившей овраг, они стояли совсем близко друг к другу и все-таки друг на друга не глядели. Они кончали свое существование каждый сам по себе: были уже без крыш, без крылечек, без оград и все еще упорно отворачивались друг от друга. Немного поодаль разрушали еще один дом — этот был совсем еще крепким, двухэтажным, и бревна падали с его стен, грохоча и поднимая огромные столбы пыли. Казалось, что дом горел и весь был окутан дымом.

Еще по направлению к мосту связисты тянули неглубокими траншеями кабели, в четырехугольных ямах рабочие устанавливали железобетонные опоры новой трамвайной линии, тут же прокладывалась нитка водовода из чугунных труб.

Грохот стоял здесь невероятный, но все-таки и он то и дело заглушался поездами. Электропоезда неслись по насыпи почти над самыми головами людей то вправо, то влево, и тогда все как будто исчезало из глаз, потому что в этот момент нельзя было не зажмуриться, и даже после того, как поезда уносились прочь, земля еще вздрагивала и тонкими ручейками струилась в траншею водовода, покрывая серыми пятнами его лоснящееся гудроном тело.

Машин перед мостом — легковых, пассажирских, грузовиков, самосвалов — скапливалось с каждой минутой все больше. Шоферы и пассажиры прежде всего высказывали свое недовольство, высказывали его громко и неучтиво, потом начинали объяснять друг другу

все, что происходит перед мостом, спустя некоторое время уже подавали советы рабочим и саперам, безжалостно критикуя все, что, по их мнению, заслуживало здесь критики.

Пассажиров экспедиционной машины ГАЗ-63 неожиданная задержка в самом начале пути привела в явное уныние.

Дней уже пять или шесть эти люди томились ожиданием той минуты, когда они тронутся наконец в путь, но что-то такое случалось обязательно, что их останавливало: не было запасных канистр под горючее, по оплаченным уже счетам нельзя было получить продукты на базе горпищеторга, начальник экспедиции, профессор доктор Вершинин, со дня на день откладывал выезд; когда же он решил отправить экспедицию вперед, а потом догнать ее в селе Шебалино на Чуйском тракте, выяснилось, что зоолог Лев Иванович Реутский к ружьям двенадцатого калибра запасся патронами калибра шестнадцать.

Совершенно спокойно в кабине сидел Лопарев — аспирант и помощник профессора Вершинина. Кожаный, изрядно потрепанный картуз Лопарев надвинул на глаза. Всякий раз, как по насыпи грохотали поезда, он картуз слегка приподнимал и смотрел на все вокруг немного усталым, но внимательным взглядом.

В кузове ехала молодежь — студенты-практиканты и младшие научные сотрудники, но был среди них географ Рязанцев, чуть сутуловатый, с серыми неяркими глазами, в очках, — этому давно перевалило за сорок.

Ему непросто было скрыть прямо-таки мальчишескую досаду, вызванную остановкой, но теперь он бродил — руки за спину — и на все вокруг глядел из-под очков так, будто не столько глядел, сколько слушал: голову чуть-чуть набок, прищурив глаза.

И хотя он был очень внимателен ко всему, что увидел здесь и услышал, но по-прежнему переживал странное для его лет нетерпение — хотел обязательно ехать, мчаться вперед, вперед. Он хотел другого неба над головой, хотел во что бы то ни стало устать, изнемочь от пешего пути, хотел ночлегов в палатке.

Нетерпение его было таким, что он жил как бы впереди себя, там, где его еще не было, но где он обязательно будет: в синеве гор, в шуме леса и горных потоков, в общении с людьми, которых он не встречал никогда в жизни, в размышлениях о ледниках и реках, которых он еще не видел...

Он ни о чем не думал не только в прошлом времени, но и в настоящем. Все для него стало будущим временем, но все-таки он глядел вокруг внимательно. Спрыгнул в одну траншею и пощупал прохладный, покрытый гудроном водовод, поднялся по лестнице наверх, вошел в пестрое облако пыли, которое укрывало разрушаемое двухэтажное здание.

Постоял он около маленьких домишек, с которых венец за венцом сбрасывали неровные, почерневшие от времени бревешки. И это попытался запомнить. Чтобы потом когда-нибудь обо всем этом вспомнилось...

Когда спустя несколько часов машина снова тронулась в путь и миновала высокий берег Оби с бледным рисунком Барнаула, потом — деревянный городок Бийск, Рязанцев и это запоминал.

За селом Сростки показалась Катунь; давно уже нарисованная воображением Рязанцева, она вырывалась из теснин и ущелий в широкую долину, была еще вся взволнована и Рязанцева взволновала тоже.

Он ею любовался.

Крутые, нестройно поющие волны и даже какая-то неопрятность реки: размываемый тальниковый берег

той стороны, клочья пены, мутные пятна в зеленой глубине — все было для него отрадным, и он безоговорочно отдал ей предпочтение перед Бией — та была и уютнее, и светлее: отстоялась в глубинах Телецкого озера, из которого брала исток свой. Та была быстрой, но быстрой размеренно и четкой в берегах своих. От нее нельзя было ждать каких-то перемен.

Катунь больше пришлась Рязанцеву по сердцу еще и потому, что она мчалась «оттуда» — оттуда, куда он так стремился, из его будущего, в котором он уже жил эти дни. Катунь еще больше взбудоражила его желание быть «там».

Между тем синева Алтайских гор, их аромат ничуть не приближались к Рязанцеву, хотя шофер Владимирогорский и вел машину со скоростью восьмидесяти километров в час: ненастье двигалось на Горный Алтай с северо-запада еще быстрее.

Километры, которые машина пробегала, ненастье тут же затягивало мглою, только редкими минутами позволяя заглянуть в синие дали впереди себя.

Наступала пора, когда мир повсюду становился одинаковым — что в горах, что в тундре, потому что он простирается перед вашим взглядом всего на три шага, а слышится в тумане лишь собственный голос да шорох туч.

В это ненастье в высокогорной тундре Семинского хребта отряд и разбил свой первый стан.

И вот тут, лежа в одной из палаток, Рязанцев снова стал переживать все то, что видел на пути в экспедицию. Должно быть, все-таки наступило будущее, ради которого он тогда смотрел, слушал, запоминал. Теперь он снова и еще явственнее слышал грохот, в котором разрушались старые, потускневшие домишки рядом с новым, таким светлым мостом.

И еще он вдруг вспомнил сейчас очень ясно конверт с двумя почтовыми марками: крупной — оранжевого цвета, и маленькой — фиолетового.

Когда он смотрел на этот конверт в действительности, он на марки не обратил никакого внимания, сейчас вспомнил их.

В одном из разрушаемых домишек в окне, через которое виден был перевязанный бечевкой матрац, черный потрепанный чемодан и какой-то нехитрый домашний скарб, белел этот конверт, прислоненный к стеклу.

Адрес на конверте был написан крупными буквами, ему предстояло пойти в город Красный Кут на имя Синеокой Марии Федоровны. Фамилия была такая у женщины — Синеокая.

Уже крыши не стало у домика, стропила упали на землю, начали снимать потолок, а письмо все еще виднелось на подоконнике рядом с незатейливым цветком, распустившимся в консервной банке.

Исчезли из дома матрац, перевязанный бечевкой, и черный истрепанный чемодан — о письме как будто все забыли.

Выставили из оконца рамы. Домишко глянул потемневшими проемами, в которых негде было уже играть солнцу, золотистые стружки на белой вате, уложенной между рамами, тоже поблекли — им не в чем стало отражаться, — письмо все еще лежало на этой вате.

Наконец к письму потянулась крупная мужская рука. А через каких-нибудь четверть часа домишки совсем не стало — торчали только какие-то гнилые столбики, рассыпаны были по земле серая, с черными углями зола, коричневые опилки, но и эти признаки жилища тут же смел бульдозер.

Люди, только что жившие здесь, торопливо побросали свой скарб в кузов неуклюжей трехтонки, забрались

наверх сами и уехали. Говорили — в район нового строительства, в квартиру на пятом этаже.

Воображение Рязанцева не последовало, однако, за этими людьми на пятый этаж, а привело его в город Красный Кут, к Синеокой Марии Федоровне...

Невозможно было представить, чтобы Синеокая Мария Федоровна оказалась некрасивой, крикливой, вообще чем-нибудь неприятной, просто — старой. Ей лет тридцать пять, не больше. Она русая, с косами.

Город Красный Кут, в котором она живет, где она обязательно прочтет письмо о том, что кто-то в Сибири переехал в новый дом, на пятый этаж, — тоже чем-то приятный городок.

Несколько довольно больших каменных домов на площади и, если выйти из дверей райисполкома, по левую руку, кажется, небольшой ресторанчик. Проездом когда-то бывал Рязанцев в этом городке уже давно, больше десяти лет назад. Река в Красном Куте — Еруслан, зеленая от водорослей, всюду перегороженная запрудами и потому неподвижная, кое-где по берегам — дубравы. Большой или просто Еруслан? Никак не мог Рязанцев вспомнить, тем более что там, в сухих степях Среднего и Нижнего Поволжья, все реки, кроме самой Волги, — большие: Большой Иргиз, Большой Каралан, Большой Узень... Речка Куба, которую летом запросто переезжают на машинах, и та — Большая. Впрочем, не зовется ли она Соленой?

Ладно, Большая или Соленая эта самая Куба — не о ней Рязанцев хотел вспоминать... Хотел вспомнить Синеокую Марию Федоровну. Не верилось, что он ее никогда не видел. Когда-нибудь видел, только не знал, что это она, не заметил. Прошел мимо и не заметил. А теперь возрождает в памяти лица женщин, которых встречал

в дороге, видел за прилавками магазинов, за чертежными столами проектных бюро, — кто из них она? Два-три лица отыскал, похожих на Синеокую Марию Федоровну, и после этого как будто успокоился. Но ненадолго, потому что спросил себя: «Слушай, приятель, а зачем ты поехал в экспедицию?» Это «зачем?» уже не в первый раз перед ним возникало, ответа он не знал. Другое дело — «почему?». Как это случилось, почему случилось — он это мог объяснить.

Помнится, когда Рязанцеву минуло сорок, друзья поздравляли, говорили, что пятьдесят он встретит уже известным, выдающимся ученым. Как всегда в таких случаях, сказано было много лишнего, такого, из-за чего позже, наедине с самим собой, за друзей становится неловко, за себя — стыдно.

Но вот что было сущей правдой — он был готов к большим трудам. Прежде всего потому хотя бы, что научился отстаивать свое время. Если этого не делать — время распадется на такие мелкие крупицы, что потом их не сыщешь, не соединишь в нечто целое, не найдешь, кто назвал твою фамилию на выборах какой-то комиссии, кто подсунул тебя в качестве докладчика на очередной конференции.

Комиссии нужны, доклады тоже нужны, но больше всего нужны дни, с утра до ночи посвященные одной только мысли, одной главе, одной странице твоего труда.

Труд требует времени не часами, не кусочками — глыбами.

Если сложить вместе тысячу килограммов, они всегда составят одну тонну. Тысяча метров — всегда километр. Но двенадцать часов, разбросанные в разных месяцах и годах, никогда не равны одному дню. Никогда мелкими частицами человек не переделает и не переду-

мает всего того, чем он сосредоточенно жил, что совершил в течение одного, но целого дня.

Потом Рязанцев почувствовал себя свободно с классиками науки, с их большими идеями, научился присутствовать при том, как они мыслят, быть молчаливым, но строгим и справедливым судьей их размышлений. И не потому, что умом превзошел классиков, а потому, что чувствовал себя обладателем времени, которое его отделяло от них. Время на них не могло уже работать, на него — было обязано.

Потом наступили годы, когда он перестал вести ревнивый счет своим статьям и своим книгам, потому что самое главное, что он должен был написать, теперь всегда стало заключаться для него в книге, еще не написанной, а только задуманной.

Наконец все окружающее стало ему служить. Музыка ему служила, не столько его услаждала, сколько помогала думать. Погода — любая — помогала. Если просыпался утром и было ясное, безоблачное небо, у него возникало добротное, энергичное настроение, а если ненастно было, он и ненастью радовался — сосредоточеннее и как-то уютнее думалось, когда пасмурно.

Был он здоров, само ощущение здоровья ему помогало, был нездоров — нездоровье освобождало от тех обязанностей и хлопот, которые мешали работать над самым главным.

Приносили детишки, Толька и Мишутка, хорошие отметки из школы — отметки эти неожиданно воодушевляли его. Баловались они в школе, являлись с двойками — он сердился и работал со зла.

И вот, когда он должен был закончить одну, кажется, неплохую книгу, другую продолжить, третью начать — начать, конечно, самую важную, — умер Сеня Свиридов.

Смерть Сени не была трагической, не могла быть такой, потому что трагической была его жизнь — по крайней мере, последнее ее десятилетие: рак пищевода и два инфаркта.

Очень будничная, очень приземленная трагедия. А он, Сеня Свиридов, уже с тяжелым недугом успел жениться, успел народить мальчонку.

Сеня — друг, земляк и однокашник — был бессребреник, даже заклятые его противники никогда не могли упрекнуть его в какой-то корысти. Но что верно, то верно: крови он испортил людям невероятно. Всяким — и плохим и хорошим.

Мог очень толкового ученого, против которого у него и половины знаний не хватало, в пух и прах разнести в печати — мастер был писать едкие, дух захватывающие статьи. Мог молодого поддержать, похвалить, да так, что у того голова шла кругом, пока через много лет не наступало горькое отрезвление, — мастер был поднимать, увлекаться и в других вселять уверенность. Мог, совсем некрасивый, болящий, пленять женщин, обладая совершенно искренним убеждением, что, кроме великого счастья, он женщинам никогда и ничего не приносил. Ему верили.

Многое он мог в общении с людьми, а, наверное, было бы лучше, чтобы мог он меньше.

Грел он людей ласково, то и дело спасал их от душевного холода, но и обжигал со страшной болью очень просто, улыбаясь. И себя обжег едва ли не всем своим существованием — все мог, а ничего не создал; наверное, поэтому и улыбался, когда говорил людям страшные для них вещи. А может быть, это потому, что сам не боялся никаких невзгод?

Сеню жалеть было нельзя: плохой или хороший, но точно такой, как он, обязательно должен был существо-

вать человек на свете. Сеня в это верил и всех окружающих мог в этом убедить. Без слов, одним своим взъерошенным видом, одними, всегда заинтересованными чем-то глазами.

Чтобы с ним быть близким, никогда нельзя было принимать его целиком.

И Рязанцев проводил с другом многие-многие вечера, спорил, читали они вместе, соавторствовали, но каждую минуту Рязанцев отделял вздорные, горячечные Сенины слова от его очень умных, чутких и оригинальных суждений, прожекты — от проектов, выдумки — от дум.

У Рязанцева как бы особый рефлекс выработался, иным своего общения с Сеней он и представить не мог, а может быть, даже не хотел: Сеня научил его разговаривать, все время думая, не просто слушать, а соглашаться либо не соглашаться.

Когда же Рязанцев возвращался домой, Зоя, жена его, спрашивала: «Ну как, побеседовали с Сеней?» — «Было дело...» И хотя Зоя не очень-то близка была к делам и заботам своего мужа, у нее дел и забот было достаточно на работе, она говорила: «Ну ложись скорее! Отдохни! Может быть, цитрамон выпьешь?»

Но был человек, которому Сеня достался весь — со всеми его прожектами и выдумками, с капризами, с двумя инфарктами, раком и расстройством нервной системы, с его алиментами от прежнего брака, со страстью к нестерпимо громкой музыке и лютой ненавистью к любым домашним обязанностям.

Этим человеком была жена Сени — Полина. Казалось Рязанцеву, будто перед ней Сеня иногда оправдывается. Невероятно: никогда и ни перед кем Сеня не оправдывался, но тут было, — во всяком случае, запомнил Рязанцев такой случай.

Шел у них с Сеней разговор о процессах болотообразования. Сеня особенно был нервным, здравые мысли у него иногда только проскальзывали, в основном же он ругал каких-то людей дураками, бюрократами, ханжами за то, что эти кто-то — неизвестно кто — не хотят как следует разрабатывать торфяники, не хотят бескорыстно служить Советскому государству. Самое лучшее было уйти, но Рязанцев обещал Полине побыть с Сеней, пока она «сбегает в театр посмотреть узбекского трагика в „Отелло“».

В двенадцатом часу, когда Рязанцев уже окончательно, кажется, изнемог, «прибежала» Полина. Сняла брошь и, наверное, не напрасно сказала, что в театре с этой броши никто глаз не спускал, в соседней комнате привела в порядок Сеньку-младшего, матрасик его утащила на кухню, приготовила «мужикам» ужин и в халате, с ногами, забралась к Сене на диван. Просияла: готова была слушать каждое его слово.

Она молодая еще была, и еще так много в ней могло бы быть перемен к лучшему: если бы она пополнела чуть — это ее украсило бы; если бы немного меньше стало на лице ее внимания — она бы еще помолодела; если бы у нее появилось хоть немного времени для себя — ей каждая минута служила бы, служила уму ее, ее радостям.

А Сеня лежал на диване, весь серый, в морщинах, время, казалось, уже было ему в тягость, одни глаза еще жили.

Так невольно Рязанцев подумал, но как раз Сеня отправил жену еще похлопотать насчет ужина и сказал:

— Не верю! Нет, не верю!

— О чем ты? — спросил Рязанцев.

— Не верю, будто под старость человек должен упрекать себя в том, что неправильно, не так прожил молодость.

— Почему же?

— Потому! Какое право старый, вроде бы уже не жилец, какое право имеет он судить молодого, живущего? Кто из них глубже чувствует, что такое счастье? Кто из них лучше знает, что это значит — жить?!

Рязанцев подумал: «А жену ты все-таки отправил из комнаты!» Сене же кивнул:

— Может быть...

И с того вечера стал видеть, как умирает друг.

Они договорились о том, что вместе будут писать книгу, потому что один Сеня не успел бы ее закончить. Книга должна была получиться листов на двадцать пять печатных, Сеня же подумал и сказал, что он успеет написать не более десяти-двенадцати листов.

Когда Сеня был очень плох, лежал на своем диване и кричал, что его лечат не медики, а ветеринары, или когда он вдруг объявлял, что через месяц отправится в Горный Алтай, или принимался звонить по телефону и справляться, каким образом он сможет поехать на Суматру — ему нужно поглядеть самое южное в северном полушарии болото, — Рязанцев говорил ему: «Слушайка, Сеня, нам в этом году нужно кончить книгу...» И Сенины мысли приходили в полный, иногда даже идеальный порядок. Они работали, торопились, прекрасно друг друга понимая: им обоим было некогда. Всемогущее «некогда» делало свое дело.

Но это восклицание друга — «Нет! Не верю!» — заставляло Рязанцева иногда преодолевать «некогда», и, наблюдая, он замечал, что в Сене самым стойким против смерти было то, что было в нем самым хорошим: смелый его ум, его пренебрежение к житейским невзгодам и к своему недугу прежде всего, его желание до конца быть небесполезным на земле. Когда позже сознание стало приходить к нему только временами, он

и тогда больше всего заботился о книге. Ничего другого от него и нельзя было ждать, но вдруг Сеня стал высказывать необычные для него суждения.

Сказал однажды:

— Мало мы знаем друг друга...

— Кто — мы? — спросил Рязанцев.

— Люди... Радио, телевидение, кино — все это показывает нас вширь. Количественно. Внешне. Но теряем один примитив — старый, добрый, испытанный веками жанр — жанр дружеской беседы. Как бы людям не потерять в этом... Учти.

Сене можно было так говорить: «Учти», — он уходил, Рязанцев оставался в этой жизни.

Закончили главу о режиме деятельного слоя в условиях вечной мерзлоты, Сеня снова повторил:

— Мало мы знаем... На Алтай бы мне надо...

— Зачем?

— Обязательно — зачем? Ну не знаю зачем. В молодости бродим по белу свету, учимся видеть. Научились, повзрослели, но тут некогда путешествовать и неохота опять же. Потом — очень хочется, но, когда уже здоровья нет, и в самом деле нельзя. Так и живем с юношеским, а то и с детским видением земли нашей...

Прошло около года после смерти друга. Рязанцев поехал на Алтай. Зачем? Точно не знал... Почему? А может быть, как раз потому, почему Сеня на Алтай собирался?

В тот раз, когда Рязанцев с Сеней заканчивали главу о режиме деятельного слоя в мощных торфяниках, Сеня сказал:

— Ну что ж, я не успел побывать на Алтае — Поля побывает...

— Когда?

Сенино тощее плечо показалось в вороте рубашки.

— Наверное, теперь уже скоро... С профессором Вершининым. Карту растительных ресурсов составлять. Тоже мне ресурс — тот самый Вершинин!

Глава была последней, которую они писали вместе. Следующую Рязанцев только приносил Сене для чтения. Сеня, слушая, говорил: «Самое главное в рукописи — обнаружить то место, над которым нужно думать». И думал. Часть вторую Рязанцев писал уже совсем один.

Полина в их работе участия не принимала — а могла бы. С тех пор как Сеня слег окончательно, она ушла с кафедры и дома редактировала «Труды» исследовательского института. Казалось бы, по части издательских дел могла и помочь мужу, но нет — она только присутствовать любила при работе, останавливала их, когда они уж очень яростно начинали спорить, часов в десять подавала горячий чай, часов около двенадцати делала условные знаки Рязанцеву: «Пора уходить».

Слова Сени о том, что Полина «уже скоро» поедет на Алтай, Рязанцев не принял тогда всерьез, но после смерти мужа она действительно стала работать в лаборатории профессора Вершинина.

Нынче Вершинин, как всегда, задержался в институте, должен был выехать позже и догнать отряды.

В экспедиции было два отряда: один — «высокогорный» — шел по верхней границе леса, и возглавлял его Лопарев, другой — «луговой» — выехал недели на три раньше и двигался по нижней границе лугами, поймами и долинами. Руководила луговым отрядом Свиридова.

Она была сейчас где-то внизу, по ту сторону облаков... Там у них могла быть и очень хорошая, ясная погода, и при ярком солнце среди буйных луговых трав путешествовала Полина Свиридова, вдова...

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ЗАЛЫГИН

ТРОПЫ АЛТАЯ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Алиса Павлова, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.10.2026.
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,2. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-LMR-43970-01-R